

Письма и дневники, которые вы сейчас прочтете и которые до вас прочел я, открыли для меня человека, казался бы, и прежде знакомого. Он пришел к нам — в Ленинградский театр им. Ленинского комсомола и поставил дипломный спектакль «Аленький цветочек». Это было тридцать четыре года назад, и тридцать четыре года идет этот спектакль, поставленный Семеном Тумановым.

Он пришел к нам, пройдя пять курсов ГИТИСа и все дороги войны: от июля сорок первого до самого конца, до Тихого океана. Путь солдата, отмеченный двумя медалями «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги». Встретившись с Тумановым, я видел в нем начинающего одаренного режиссера. Но только теперь из фронтовых писем понял, чем держался талант этого человека. Любостью к театру, верностью искусству, мечтой и надеждой, которые жили в Туманове — смерти вопреки, неотступно подстерегающей солдата на войне.

Она отняла, лишила нас множества талантливых жизней — и жизни тех, кого мы

знаем, и тех, о ком мы уже никогда не услышим. Туманов вернулся с войны, но и о нем можно сказать грустной строчкой поэта-фронтовика: «Мы не от старости умрем, от старых ран умрем». Чуть больше четверти века после войны дано было Туманову. И он очень торопился — война отняла лучшие годы — и он очень многое успел.

Благодарные зрители, конечно же, помнят режиссера Семена Туманова. И все-таки назову хоть немного: в первую очередь — «Трехгрошовая опера», поставленная им в Театре имени Станиславского, — это был один из первых спектаклей Брехта на советской сцене. Театром руководил М. М. Яншин — это он пригласил молодого режиссера, более того, вместе с ним поставил булгаковские «Дни Турбиных», любимейший свой спектакль.

Переход Туманова в кино не был изменой театру. Он хотел пробовать свои силы во всем и стал кинорежиссером в мастерской М. И. Ромма. Снял «Алешину любовь», фильм о Николае Баумане и на долгие годы запомнившийся всем нам — «Ко мне, Мухтар!».

О войне Семен Туманов не снял ни одной картины, не поставил ни одного спектакля. Но все, что удалось ему создать, было выношено, выстрадано, понято на войне. Цена жизни, дружба, любовь, доброта.

Еще несколько слов о фронтовых письмах: их собрала и рассказала о них та, кому они были адресованы, — актриса кино и театра Марина Ковалева. Зрители узнали ее еще до войны по фильму «Тимур и его команда», а потом были «Падение Берлина» и многие другие картины. Марина и Семен — люди одного поколения: поколения, которое ушло на фронт со школьной скамьи, не раздумывая, не колеблясь, приняло на себя самую тягостную ношу. Это было удивительно единое в своем героическом порыве поколение. И, наверное, поэтому за письмами всего лишь одного солдата я слышу голоса тысяч и тысяч людей, благодарность к подвигу которых никогда не исчезнет. Как не уйдет преклонение перед подвигом моего народа.

Георгий ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

Все же как бы плохо ни было, чего бы еще ни пришлось перенести, жизнь — самая остроумная штука!..
Жить! Жить! Жить!

(Из фронтового дневника С. Туманова).

Современные мемуары

ПИСЬМА О ЛЮБВИ И О ВОЙНЕ

С КЕМ не случилось — нахлынет вдруг тоска: по своему дому, по любимой книге, которой нет под рукой, по речке и лесу. Или до зарезу нужно увидеться и поговорить с другом. Хотя позвонить или написать, если вдали. А лучше просто нагрянуть неожиданно и знать, что тебе обрадуются.

Но — уже не приедешь, не напишешь, не дозвонишься...

Бывает среди ровесников старший, «неофициальный лидер», как теперь говорят. Его не выбирают и не назначают. Уважают искренне и добровольно, без деклараций по этому поводу.

Таким старшим среди нас в предвоенные годы был Семен Туманов.

Сделался он нашим лидером рано, сразу, как встретились. Вызывал к жизни наши новые идеи и радовался им больше, чем своим; собирал единомышленников — для будущего молодежного театра, бешпокой и булоражил планами. И мы чувствовали себя талантливыми и сильными. Потом только поняли, как тянулись вверх, до него.

Мы были одногодками, и все-таки он был старше. А с сорок пятого года — «старше... на Отечественную войну».

И вот — письма с войны, к которым обращаюсь в том самом приступе тоски по нашему Семену, Семке, режиссеру, руководителю, другу — человеку... Жизнь Семена Туманова — кусочек истории славного поколения роковых-сороковых.

Декабрь 1941 года.

Что принесет новый год?

Как провела ты этот день? Мы тоже выпьем 31-го! Обязательно выпьем! Но, наверное, по одному «бокалу». Так что придется прозвонить всего лишь один тост! И я выпью за скорую встречу с Москвой, за Ситруа, за тебя «ЦС»...

Крепко целую тебя.

Семен Ситруанский.

30 мая 1942 года.

Здравствуй, Маришенька!

Вот если кончим в 42-м году войну, Новый год и твой день рождения справим, в 43-м пришлю тебе открытку с приглашением вступить в труппу Великого Театра «ЦС»!

Маришка, а ведь ты уже «большая» стала!!!

Пиши чаще!

Семка.

Два первых листочка — и ты отправляешься в юность. Там трое из 7 «А» 187-й московской школы — Семен, А. Кузнец — Кузя — образовали однажды веселое «государство» СИТРУА, закрепившее их дружбу. У ситруанцев свой флаг, свой гимн, свой кодекс поведения — образец для всего класса. Храня верность своим товарищам, Семен даже подписывается часто — Ситруанский.

Там за таинственными буквами «ЦС» скрывается первое название будущего театра. А происходит оно от названия клуба «Центросоюз», где сыграли первый спектакль — «Проделки Скапена» Мольера — 3 января 1940 года.

21.VI.42 г.

Здравствуй, Маришка!

Завтра эти «чертовы именины» — 22 июня!

Когда теперь придется попасть в Москву! Погулять бы вокруг Кремля или по метро, пешком по «Красным воротам» или по «Охотному ряду»! Эх, Ковалева! Что будет дальше!

Было нас в Пскове 63 человека, а осталось только четверо!.. А жить хочется!!!

А жизнь будет после войны, наверное, мировая! Будет каждый день «Большой вальс»! Вот бы дожить до этого!!!

Но в Москву мне придется ехать через Берлин, а он пока еще не виден даже в бинокль...

Август 42 г.

Семен Туманов. 1941 год.

ли, чтобы их дети никогда не знали нужды и унижения... Нас баловали. Баловала нас и Страна. Ведь мы были первыми детьми первого Советского государства! Мы родились сразу после гражданской войны!..

Школы, детские парки, детские городки, детские железные дороги, детские театры, журналы, газеты, кинофильмы, детские санатории, детские места в трамваях. Детские... Чего только не было!

Мы росли не белоручками! Мы знали, что предстоит нам в жизни сделать, по-

об этом дне! Ведь были б уже дома!..

Был Вовка Ширяев, он говорил, что в этот день совершит какой-то героический поступок, который мне очень понравится... Был Мишка Сперанский — мечтал под утро пойти гулять по Москве. Был Вовка Карамышев. Из него вышел бы очень неплохой поэт. Он обещал написать мне целую поэму...

Ширяев, Сперанский погибли, Карамышев тяжело ранен...

Сейчас у нас очень горячее время! Только вышли из боя! Первый раз за

гда 23 года!.. Вот и я тороплюсь, забегаю вперед, точно подчиняясь Семенову призыву. Надо спешить! Не опоздать бы, сохранить о нем все, что нужно, что хочется!

Из фронтового дневника:

«...На войне тоже бывают очень приятные сюрпризы! Так случилось со мной! Привезли две библиотеки. Книжки о Пожарском, о Кутузове, о противогазгах и... «Ромео и Джульетта»! В переводе Пастернака! Я был счастлив, будто мне подарили какую-то дорогую игрушку! Перевод лучше, чем прекрасный! Буду читать и думать, не торопясь...

Там же был Лермонтов! Прочел, вернее — проглотил еще раз «Демона». Какая потрясающая вещь! Сила! Страсть! Чем-то перекликается с «Джувелтой»! Любви! Вот в чем дело!..

Поставить бы!!!
Пойду, покурю. Допишу, после...»

13.II.43 г.

Маришка, дорогая!

Получил твоё письмо. Три раза сегодня начинал писать тебе и три раза ничего не получалось. Сейчас без десяти минут три ночи!

Со мной живут и работают одиночные люди. Из всей этой «семейки» я — самый младший! И только двое неженаты. Это — я и еще один паренек. Но у него есть настоящая невеста! Если б не война, он бы в воскресенье 22 июня 1941 года женился! У них у всех есть заботы, мечты, у них есть что-то, мне непонятное.

Всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь я прожил с какой-нибудь мечтой. Сейчас настоящим жить нельзя. Только будущим. И сейчас я ношу в себе три мечты: как можно скорее отмаршировать на парад в Берлине, стать режиссером и, если кто-нибудь у моего будущего сына спросит бы: «Как зовут твою маму?», он ответил бы — «Марина». Что из этого получится, я не знаю, но что-нибудь обязательно получится! Ты только не обижайся! Это уж такое откровенное письмо! Ведь мы пока друзья, ситруанцы!! И что бы там на «семейном фронте» ни произошло, друзьями останемся! Правда!

Теперь с расстояния в сорок лет, когда знаешь неумолимое ПОТОМ, на некоторых «частностях» можно было бы и не останавливаться... Но то была наша юность, мы там жили!

Мы влюблялись горячо и часто. Жертвенно, чисто, рыцарски. Эта влюбленность не всегда воплощалась в конкретные, осознанные поступки, а витала над нами, была необходимой составной частью жизни.

От слова «любовь» замирало сердце. Его и произнести-то вслух не решались, разве что с иронией. Оно волновало, смущало до стыда. Свидания не назначались. Но неведомый звоночек внутри всегда предупреждал, когда именно нужно про-

телей. Вера в него, верность ему никого не удивляли, просто были присущи всем. Влюблялся и Семен. Что-то проходило скоро, что-то оставалось дольше. Перед его уходом в армию случилось так, что в одном из разговоров все на той же станции метро «Красные ворота» он дал понять, что ждет от меня каких-то особых слов...

Когда в 41-м году все так круто изменилось, то, что привязывало к жизни, увеличилось в размерах, стало самым необходимым и важным, надеждой и опорой. И юношескую увлеченность хотелось звать любовью, среди товарищей выбрать друзей, среди знакомых девушек — верную подругу, которая ждет, любит, верит, что у этой любви обязательно есть будущее. Его хотелось сочинять, оно должно было стать продолжением прошлого. А в этом реальном прошлом были просто мальчики и девочки, которые даже не успели соскочить друг другу самых существенных слов, не осмелились поцеловаться ни разу...

20.II.1943 г.

Маришка! Дорогая!

У нас все по-старому! Война! А сегодня ночь мировая! Луна! Совсем не военная ночь, а какая-то театральная!

Задумал написать большое письмо, но что-то не получается. Все-таки я счастлив, что сейчас нахожусь здесь! Я понял многое!

20.III.43 г.

Маришка! Милая!

У меня жизнь опять на колесах! Немцы бегут, мы — за ними! Красота!

Сейчас хромой. Чуть-чуть голову не свернул. Нога ужасно болит. Весь день валяюсь! Скука! Письма приходят редко. И писать нет никакой возможности.

Был в Ржеве! Что сделали с городом! Жутко смотреть! Сейчас живу (вернее, ночую) в одной деревне. Здесь немцы сожгли в избе 22 человека. За связь с партизанами... Снег тает, и среди углей — обгоревшие человеческие кости показываются...

Сегодня одна девушка пришла с лопатой. Постояла, заплакала и ушла. Хозяйка говорит, что ее мать сожгли, вот она хотела похоронить, но не нашла... Разве найдешь!! Кости все одинаковые.

Из фронтового дневника:

...Мама! Перелистал тетрадь, и о тебе почти ничего не написано... Не потому, что я не думаю о тебе, нет! Очень, очень уж я люблю тебя, Мамочка! Пусть я буду самой последней драбенью, если не устрою тебе крошечную жизнь! Потерпи еще немножко! Ты любишь меня, очень любишь. Я это знаю. Знаю. Черт меня возьми, я не могу тебе выразить своих чувств! Я смерти на войне боюсь только из-за тебя! И я живой пока тоже из-за тебя! Мамочка! Береги себя только! Я вернусь когда-нибудь! Вернусь!..

В письмах домой, на Пушечную, ничего похожего не было: просил не волноваться. «Если не будет писем долго, не беспокойся — почта никак нас не догонит». Евдокия Тимофеевна умерла внезапно осенью 45-го года, едва успев увидеть вернувшегося с войны сына...

Из фронтового дневника С. Туманова:
...Время бежит! У меня появилась потребность в серьезных книгах! Прочел сегодня маленькую книжечку о Мечникове — надо больше читать о таких людях!..

...Собрались кое-какие интересные книги! Над ними наде работай! Хочется заниматься! Начал сегодня изучать (подчеркиваю!) историю древнего мира! Дай бог терпения и возможности!!! «Восстание ангелов». Бросил читать. Рано, ничего не понимаю.

6.IX.43 г.

Маришенька дорогая!

Что-то творится со мной непонятное!

Я превратился в «физику» или лучше сказать в лабораторную работу по магнетизму. Помнишь! Ненамногоценное тело! Молекулы находятся в хаотическом состоянии. Мне нужен какой-то сильный «магнит», чтобы привести содержимое моей головы в порядок! Появился миллион вопросов! Черт возьми! Но у кого получить на них ответ! Я очень мучаюсь от своей чертовой энергии! И от этого жожу из угла в угол, как бегемот в клетке.

24.III.44 г.

Маринка, дорогая! Мне бы... аж зубы скрипят!

У меня столько злобы накопилось, что иногда боюсь сам себя. Я расстреливал фашистов. Они до этого такого творили...

Страшно, Марина. Очень страшно. Не знаю, почему именно тебе пишу об этом! Больше никому. Ты одна.

Война пошла совсем другая. Немцы дерутся здорово, наши — еще напористее. Дальше — больше. Скорее бы, скорее! Или б убило к чертовой матери, или кончилось! Не могу больше!

А, впрочем, у меня есть один трофей: это статуэтка собачки, у нее на

ре «ЦС». Он у меня вроде «Синей птицы». И вот пришла такая мысль: а что если в театре сделать так — все, исключительно все подчинить одному стилю! Идет, предположим, «Слуга». Афишу должен сделать художник совместно с режиссером. Она должна быть обязательно оригинальной. Билеты тоже должны быть не простыми бумажками, а красивыми, оригинальными, может быть, на них сделать и программу! Но опять все в стиле, с венецианским орнаментом! Фойе должно быть залито светом! На полу какой-нибудь голубой ковер. Швейцар, билетеры и т. п. должны быть одеты не во что попало, а в светлые красивые костюмы. Стулья, столы в буфете, диваны должны быть легкими.

На следующий вечер идет, предположим, «Коварство». Билеты опять оригинальные, но уже в готическом стиле. Свет не такой яркий. Ковер в фойе темный. Мебель тяжелая, кожаная, швейцар в темном костюме и т. п.

Ты мне напиши свое мнение. Жду. Только смотри, больше никому ни слова об этом. Не дай бог! Это я тебя только посвятил в эту ситруанскую тайну!!

Пиши скорей!

Из фронтового дневника:

Первый вариант СТАТУТА будущего театра.

«Мы создаем театр РОМАНТИКИ.

Наше героическое время требует героического театра, который показал бы романтику, пафос нашей действительности, звал зрителей в завтра, к коммунизму!

Наша цель — находить романтику в реальности, а не делать реальность отвлеченной романтикой.

Чтсбы нести зрителям наши принципы, мы должны их иметь очень сильными в собственной груди.

Среди 15 спектаклей и 7 фильмов, поставленных Тумановым, не было ни одного, рассказывающего впрямую о войне. Но ведь берег же он свои фронтовые дневники! А в них столько всего зашифровано.

...Военная весна. Без птичьего пенья, без красоты... Хмурое небо. Земля грязная, кое-где еще не растаял снег. Эти белые пятна напоминают пластыри, наклеенные на раны... И только грустные облака, перемешанные с дымом, быстро плывут вальд!!!

...Камень, необтесанный, но могучий, страстный, вечно молодой, бессмертный. Кузе и Сашке! Эх, ребята! Все равно вы живы! Не верю!..

...Уже два часа ночи. Завтра снова война. Я опять «похоронное бюро». Но что же делать?! Попрошусь еще раз на машину!

Перчатки мои и руки в крови. Куликов и Зайцев раскапывают могилу. У убитого Зубарева оказался в кармане крептик. Не помогло!..

...У меня за спиной вещмешок, в нем восемь буханок хлеба, в руках — четыре кстелка с пшеничным супом. Кухня далеко, и «горячая пища» давно стала холодной. Полбуханки хлеба полагается Вовке Ширяеву. Но строевую подадут только вечером, и мы, живые, сейчас съедем его хлеб. А завтра...

...Когда тебя, Вовка, убило, я был впереди, лежал с нашим помкомвзвода почти у ворот совхоза. Но пули убивают не всегда тех, кто впереди!!

23.XII.44

Маришка, дорогая!

С днем рождения! С новым годом! С пятой годовщиной «Скапена»! Выпеси за «ЦС»!

Эх, 1945-й год! Какой это год будет!

За эти пять лет, которые я провел здесь, многое изменилось, я очень здорово отстал от вас всех! Я на вещи смотрю сквозь очки 1940 года! Мои мечты о «ЦС» вам, искусственным людям, могут показаться детскими. Очень много причин, с которыми я согласен, говорят против этой «бредовой» идеи! Но еще больше — «за»!

Нужен свой театр! Театр романтики! Фантазии!!! Арбузовцы смогли начать! Чем мы не такие, как они! Мы меньше их знаем, так научимся! Нет! Театр — делать!

Из фронтового дневника:

18.II.45 г.

...Жизнь очень хорошая штука, нужно только не быть идиотом!

Распахнуть окно в будущее, так, чтобы стекла посыпались...

Она отняла, лишила нас множества талантливых жизней — и жизни тех, кого мы

фильм «Святые в своем доме»... Мухтар!..

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.

У нас все по-старому! Война! А сегодня ночь мирная! Луна! Совсем не военная ночь, а какая-то театральная!

Задумал написать большое письмо, но что-то не получается. Все-таки я счастлив, что сейчас нахожусь здесь! Я понял многое!

20.III.43 г.

Маришка! Милая!

У меня жизнь опять на колесах! Намцы бегут, мы — за ними! Красота!

Сейчас хромой. Чуть-чуть голову не свернул. Нога ужасно болит. Весь день валяюсь! Скучаю! Письма приходят редко. И писать нет никакой возможности.

Был в Ржеве! Что сделали с городом! Жутко смотреть! Сейчас живу (вернее, нечужу) в одной деревне. Здесь немцы сожгли в избе 22 человека. За связь с партизанами... Снег таит, и среди углей — обгоревшие человеческие кости показываются...

Сегодня одна девушка пришла с лопатой. Постояла, заплакала и ушла. Хозяйка говорит, что ее мать сожгли, вот она хотела похоронить, но не нашла... Разве найдешь!! Кости все одинаковые.

Из фронтового дневника:

...Мама! Перелистал тетрадь, и о тебе почти ничего не написано... Не потому, что я не думаю о тебе, нет! Очень, очень уж я люблю тебя, Мамочка! Пусть я буду самой последней дрянью, если не устрою тебе хорошую жизнь! Потерпи еще немножко! Ты любишь меня, очень любишь. Я это знаю. Знаю. Черт меня возьми, я не могу тебе выразить своих чувств! Я смерти на войне боюсь только из-за тебя! И я живой пока тоже из-за тебя! Мамочка! Береги себя только! Я вернусь когда-нибудь! Вернусь!..

В письмах домой, на Пушечную, ничего похожего не было: просил не волноваться. «Если не будет писем долго, не беспокойся — почта никак нас не догонит». Евдокия Тимофеевна умерла внезапно осенью 45-го года, едва успев увидеть вернувшегося с войны сына...

Из фронтового дневника С. Туманова:
Время бежит! У меня появилась потребность в серьезных книгах! Прочел сегодня маленькую книжечку о Мечникове — надо больше читать о таких людях!..

...Собрались кое-какие интересные книги! Над ними надо работать! Хочется заниматься! Начал сегодня изучать (подчеркиваю!) историю древнего мира! Дай бог терпения и возможности!!! «Восстание ангелов». Бросил читать. Рано, ничего не понимаю.

6.IX.43 г.

Маришенька дорогая!

Что-то творится со мной непонятное!

Я превратился в «физику» или лучше сказать в лабораторную работу по магнетизму. Помнишь! Ненамного тело! Молекулы находятся в хаотическом состоянии. Мне нужен какой-то сильный «магнит», чтобы привести содержимое моей головы в порядок! Появился миллион вопросов! Черт возьми! Но у кого получить на них ответ? Я очень мучаюсь от своей чертовой энергии! И от этого хожу из угла в угол, как бегемот в клетке.

24.III.44 г.

Маринка, дорогая! Мне бы... аж зубы скрипят!

У меня столько злобы накопилось, что иногда боюсь сам себя. Я расстреливал фашистов. Они до этого такое творили!

Страшно, Марина. Очень страшно. Не знаю, почему именно тебе пишу об этом! Больше никому. Ты одна.

Война пошла совсем дружно. Немцы дерутся здорово, наши — еще напористее. Дальше — больше. Скорее бы, скорее! Или б убило к чертовой матери, или кончилось! Не могу больше!

А, впрочем, у меня есть один трофей: это статуетка собачки, у нее на шее цепочка, на которой написано — «Их бишь оптимисты!»

Нашел я себе еще одну собачку — живую. Овчарка, похожа на твою. Хозяин сбегал, ее бросил. Кто-то ей перебил лапу. Я ее все время вожу с собой. Она поправилась. Хороший пес! Вчера она положила мне голову на колени и начала скулить. С каким удовольствием я бы положил свою морду ей на лапы и тоже заскулил! Нет, все ерунда! Все пройдет!

Ну, если живым вернусь! А хочется!..

Весна у нас. Тепло! Снега нет. Хорошо! Что-то должно случиться!

8.VIII.44 г.

Маришка, дорогая!

Хорошо у вас сейчас! Мне очень хочется в Москву, но еще больше хочется в Берлин! Ведь мы сейчас почти у самой Германии! Это здорово! Литва мне нравится! Здесь столько интересного!

Вчера в сотый раз бродил по культурному кладбищу. У такого чувства нигде еще не испытывал! Вот где мизансцен для «Дон Жуана»! Возле города, около дороги, стоит что-то вроде часовни, сделанное из мрамора и серого камня. Арка, к которой ведут ступеньки. Можно «Овода» ставить!

Ты не знаешь, когда все-таки война кончится!

...Маришка, знаешь, иногда от нечего делать начинаю мечтать о теат-

Все же как бы плохо ни было, чего бы еще ни пришлось перенести, жизнь — самая остроумная штука!.. Жить! Жить! Жить!

(Из фронтового дневника С. Туманова).

Современные мемуары

ПИСЬМА О ЛЮБВИ И О ВОЙНЕ

Семён Туманов. 1941 год.

СЕМ не случилось — нахлынет вдруг тоска: по своему дому, по любимой книге, которой нет под рукой, по речке и лесу. Или до разреза нужно увидеться и поговорить с другом. Хоть позвонить или написать, если вдали. А лучше просто напрянуть неожиданно и знать, что тебе обрадуются.

Но — уже не приедешь, не напишешь, не дозвонишься...

Бывает среди ровесников старший, «неофициальный лидер», как теперь говорят. Его не выбирают и не назначают. Уважают искренне и добровольно, без деклараций по этому поводу.

Таким старшим среди нас в предвоенные годы был Семен Туманов.

Сделался он нашим лидером рано, сразу, как встретились. Вызывал к жизни наши новые идеи и радовался им больше, чем своим; собирал единомышленников — для будущего молодежного театра, беспокой и будоражил планами. И мы чувствовали себя талантливыми и сильными. Потом только поняли, как тянулись вверх, до него.

Мы были одноклассниками, и все-таки он был старше. А с сорок пятого года — «старше... на Отечественную войну».

И вот — письма с войны, к которым обращаюсь в том самом приступе тоски по нашему Семену, Семке, режиссеру, руководителю, другу — человеку... Жизнь Семена Туманова — кусочек истории славного поколения роковых-сороковых.

Декабрь 1941 года.

Что принесет новый год!

Как провела ты этот день! Мы тоже выпьем 31-го! Обязательно выпьем! Но, наверное, по одному «бокалу». Так что придется произнести всего лишь один тост! И я выпью за скорую встречу с Москвой, за Ситруа, за театр «ЦС»...

Крепко целую тебя.

Семён Ситруанский.

30 мая 1942 года.

Здравствуй, Маришенька!

Вот если кончим в 42-м году войну, Новый год и твой день рождения справим, в 43-м пришлось тебе открытку с приглашением вступить в труппу Великого Театра «ЦС»!

Маришка, а ведь ты уже «большая» стала!!

Пиши чаще!

Семка.

Два первых листочка — и ты отправляешься в юность. Там трое из 7«А» 187-й московской школы — С. Туманов — Семка, А. Вольнов — Сашка и А. Кузнец — Кузя — образовали однажды веселое «государство» СИТРУА, закрепившее их дружбу. У ситруанцев свой флаг, свой гимн, свой кодекс поведения — образец для всего класса. Храня верность своим товарищам, Семен даже подписывается часто — Ситруанский.

Там за таинственными буквами «ЦС» скрывается первое название будущего театра. А происходит оно от названия клуба «Центросоюз», где сыграли первый спектакль — «Проделки Скапена» Мольера — 3 января 1940 года.

21.VI.42 г.

Здравствуй, Маришка!

Завтра эти «чертовы именины» — 22 июня!

Когда теперь придется попасть в Москву! Погулять бы вокруг Кремля или по метро, пешком по «Красным воротам» или по «Охотному ряду»! Эх, Ковалев! Что будет дальше!

Было нас в Пскове 63 человека, а осталось только четверо!.. А жить хочется!!!

А жизнь будет после войны, наверное, мирная! Будет каждый день «Большой вальс»! Вот бы дожить до этого!!!

Но в Москву мне придется ехать через Берлин, а он пока еще не виден даже в бинокль...

Август, 42 г.

Знаешь, бывают здесь лирические минуты, когда в голову лезет «философия»... Я мечтал о какой-то очень красивой жизни. Очень любил Венецию, Неаполь... Но никогда не задумывался: «Как же этого достичь!» А здесь понял... Понял, что такое жизнь. И цену жизни.

Понял, что Москва лучше и дороже всего!

Ну, если придется вернуться домой!.. Сам не знаю, что натворю! А ведь, пожалуй, ждать уже не так долго...

21.IX.42 г.

Маришка! Милая!

Давно-давно не писал никому. Попал в хорошую переделку, думал, отовоевался, но нет...

Убили Кузю! Маришка! От Сашки нет давно писем! Ты, наверное, не поймешь меня, хожу, как идот. Я себе не могу представить, что нет Кузи! Эх, сволочи!

Ты помнишь его! Он хотел стать инженером и общал построить здание для театра «ЦС»...

Скоро новый год! Наверное, последний год войны!!!

...Красные корочки от записной книжки. В них — несколько исписанных мелким Семеновым почерком листочков.

На первом — «Повесть, которая никогда не будет написана». Заготовка, набросок. 1957—58 годы...

Мы росли озорными и счастливыми! Наши отцы, не имевшие детства, хоте-

ли, чтобы их дети никогда не знали нужды и унижения... Нас баловали. Баловала нас и Страна. Ведь мы были первыми детьми первого Советского государства! Мы родились сразу после гражданской войны!..

Школы, детские парки, детские городки, детские железные дороги, детские театры, журналы, газеты, кинофильмы, детские санатории, детские места в трамваях. Детские... Чего только не было!

Мы росли не белоручками! Мы знали, что предстоит нам в жизни сделать, полагали, чем могли, Родине. Мы собирали утильсырье... Собирали пяточки и гривенники на постройку дирижабля «Клим Ворошилов».

На наших глазах стали исчезать извозчики, беспризорные. Появились троллейбусы, а по улице Горького стал ходить даже двухэтажный!

Сколько было неожиданного, такого чудесного, такого потрясающего, аж дух захватывало: чеплюскины, Чкалов, папанинцы!..

Здесь не МОЕ детство, а — НАШЕ! Наше детство! Этот дом в переулке Стояны — Московский городской Дом пионеров — просто какое-то сказочное царство! Все там прекрасно — и комнаты для занятий, и залы, и технический корпус, и сад! И — театральная студия, даже две — старшая и младшая!

Один из участников старшей — Семен Туманов. Там и увидела его в первый раз в спектакле по пьесе Гольдони «Лугн» весной 1939 года...

Театр был для Семена мечтой, стремлением, жизнью.

В 1944 году он записал в дневнике: «К черту все мелочи! У меня один маршрут! И только по нему! Никуда иначе!»

Театр — ноль км. ТУДА!!!

14 декабря 1942 года.

Здравствуй, милая!

Когда получишь это письмо, считай, что оно пришло 31 декабря! Поздравляю с Новым годом и днем рождения!

Когда служил в Пскове, мы с ребятами очень много и часто мечтали

об этом дне! Ведь были б уже дома!..

Был Вовка Ширяев, он говорил, что в этот день совершит какой-то героический поступок, который мне очень понравится... Был Мишка Сперанский — мечтал под утро пойти гулять по Москве. Был Вовка Карамышев. Из него вышел бы очень неплохой поэт. Он обещал написать мне целую поэму...

Ширяев, Сперанский погибли, Карамышев тяжело ранен...

Сейчас у нас очень горячее время! Только вышли из боя! Первый раз за 11 дней попал в тепло.

Позавчера поймали одного немца! Вот видишь! На нем прямо на голом теле — меховая куртка, а в ней целый рой вшей, так что он спокойно стоять не может. На голове каска и рейтузы — честное слово, не вру! И кожаные сапоги!.. Сам худой, грязный, какой-то желтый, глаза от страха вылезли на лоб... Если б мне его показали в мирное время, я не поверил бы, что это человек!

Случайно достал Ростана, «Сирано де Бержерак». Мирная штука... Дня через три опять война начнется!

Ужасно хочется спать. Все уже давно храпят. А я допишу тебе письмо и «присню» себе что-нибудь хорошее!

Пять маленьких, изрядно потрепанных книжечек, первая из которых начинается так:

«1941 год — в Пскове.

1942 год — год на войне.

1943 год — год опять на войне?!!

1944 год — неужели?!!

1945 год — или дома, или в земле...»

Фронтовые дневники. Тетради с записями послевоенных лет. Их передала мне Дина Мусатова — Дилля, жена Семена, режиссер-кинодокументалист. Они встретились после войны... И еще одна строчка из его дневника: «Мне надо спешить! — у меня короткий век!!!» Без обреченности, без трагедии — только как напоминание самому себе, как побуждение к действию... Почему так подумал? Ему было то-

гда 23 года!.. Вот и я тороплюсь, забегаю вперед, точно подчиняюсь Семенову призыву. Надо спешить! Не опоздать бы, сохранить о нем все, что нужно, что хочется!

Из фронтового дневника:

«...На войне тоже бывают очень приятные сюрпризы! Так случилось со мной! Привезли две библиотечки. Книжки о Пожарском, о Кутузове, о противогазах и... «Ромео и Джульетта»! В переводе Пастернака! Я был счастлив, будто мне подарили какую-то дорогую игрушку! Перевод лучше, чем прекрасный! Буду читать и думать, не торопясь...

Там же был Лермонтов! Прочел, вернее — проглотил еще раз «Демона». Какая потрясающая вещь! Сила! Страсть! Чем-то переключается с «Джульеттой»! Любави! Вот в чем дело!..

Пойду, покурю. Допишу после...»

13.II.43 г.

Маришка, дорогая!

Получил твоё письмо. Три раза сегодня начинал писать тебе и три раза ничего не получалось. Сейчас без десяти минут три ночи!

Со мной живут и работают одиночные люди. Из всей этой «семейки» я — самый младший! И только двое неженатых. Это — я и еще один паренек. Но у него есть настоящая невеста! Если б не война, он бы в воскресенье 22 июня 1941 года женился! У них у всех есть заботы, мечты, у них есть что-то, мне непонятное.

Всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь я прожил с какой-нибудь мечтой. Сейчас настоящим жить нельзя. Только будущим. И сейчас я ношу в себе три мечты: как можно скорее отмаршировать на параде в Берлине, стать режиссером и, если кто-нибудь у моего будущего сына спросит бы: «Как зовут твою маму?», он ответил бы — «Марина». Что из этого получится, я не знаю, но что-нибудь обязательно получится! Ты только не обижайся! Это уж такое откровенное письмо! Ведь мы пока друзья, ситруанцы! И что бы там на «семейном фронте» ни произошло, друзьями останемся! Правда?

Теперь с расстояния в сорок лет, когда знаешь неумолимое ПОТОМ, на некоторых «частностях» можно было бы и не останавливаться... Но то была наша юность, мы там жили!

Мы влюблялись горячо и часто. Жертвенно, чисто, рыцарски. Эта влюбленность не всегда воплощалась в конкретные, осознанные поступки, а витала над нами, была необходимой составной частью жизни.

От слова «люблю» замирало сердце. Его и произнести во вслух не решались, разве что с иронией. Оно волновало, смущало до стыда. Свидания не назначались.

Но неведомый звоночек внутри всегда предупреждал, когда именно нужно пройти по нашей Русаковской улице, чтобы встретиться, постоять, пошутить, попить газировки, пройти стойкой до Сокольников и обратно. Стайкой потому, что неписанным законом предусматривалась «свита» — с обеих сторон, кто-нибудь из своего класса. Никогда не ходили под ручку! Не хотелось! Даже последние две-три метра от ворот до подъезда по темному двору так и шли рядом, на полметра друг от друга.

Весной и осенью, пока тепло, в школьном дворе за час до занятий играем в волейбол в кружок. Никогда не стоим рядом. Глупо. Лучше — напротив, чтоб легче пасовать. А каждый мяч — целый монолог или вопрос и ответ, равно как и удар мимо тебя, всегда можно прочитать или услышать.

А как ходили на демонстрацию! Этих праздничных дней ждали все. Внутри тебя что-то звенело. Особенно, если 1 Мая. Уходили из дома на целый день. Из Сокольников до Красной площади медленным шагом, со всеми играми и песнями, с танцами под баян на остановках. И — другая половина праздника — возвращение домой. Ни о чем не улавливались. Группки редкостно, идут три-четыре человека, еще кто-то отстал, глядящий — и вы вдвоем. На метро — ни за что! Только пешком. Улицы запружены. До самых Сокольников, до дома, по всему одному городу. Душа переполнена, будто наговорились до отвала.

В Семена Туманова были влюблены все девочки нашего кружка. Это было неминуемо. Так влюбляются, например, в учи-

и т.п.

Ты мне напиши свое мнение. Жду. Только смотри, больше никому ни слова об этом. Не дай бог! Это я тебя только посвятил в эту ситруанскую тайну!!

Пиши скорей!

Из фронтового дневника:

Первый вариант СТАТУТА будущего театра.

«Мы создаем театр РОМАНТИКИ.

Наше героическое время требует героического театра, который показал бы романтику, пафос нашей действительности, звал зрителей в завтра, к коммунизму!

Наша цель — находить романтику в реальности, а не делать реальность отвлеченной романтикой.

Чтобы нести зрителям наши принципы, мы должны их иметь очень сильными в собственной груди.

Среди 15 спектаклей и 7 фильмов, поставленных Тумановым, не было ни одного, рассказывающего напрямую о войне. Но ведь берег же он свои фронтовые дневники! А в них столько всего зашифровано.

...Весенняя весна. Без птичьего пенья, без красоты... Хмурое небо. Земля грязная, кое-где еще не растаял снег. Эти белые пятна напоминают пластины, напеленные на раны... И только грустные облака, перемешанные с дымом, быстро плывут вдали!!!

...Камень, необтесанный, но могучий, страстный, вечно молодой, бессмертный. Кузе и Сашке! Эх, ребята! Все равно вы живы! Не верю!..

...Уже два часа ночи. Завтра снова война. Я опять «похоронное бюро». Но что же делать! Попрошусь еще раз на машину!

Перчатки мои и руки в крови. Куликов и Зайцев раскапывают могилу. У убитого Зубарева оказался в кармане крестик. Не помогло!..

...У меня за спиной вещмешок, в нем восемь буханок хлеба, в руках — четыре кстелка с пшеничным супом. Кухня далеко, и «горячая пища» давно стала холодной. Полбуханки хлеба полагается Вовке Ширяеву. Но строевую подадут только вечером, и мы, живые, сейчас съедем его хлеб. А завтра...

...Когда тебя, Вовка, убило, я был впереди, лежал с нашим полкомовзвода почти у ворот совхоза. Но пули убивают не всегда тех, кто впереди!!

23.XII.44

Маришка, дорогая!

С днем рождения! С новым годом! С пятой годовщиной «Скапена»! Выпей за «ЦС»!

Эх, 1945-й год! Какой это год будет!

За эти пять лет, которые я провел здесь, многое изменилось, я очень здорово отстал от вас всех! Я на вещи смотрю сквозь очки 1940 года! Мои мечты о «ЦС» вам, искусственным людям, могут показаться детскими. Очень много причин, с которыми я согласен, говорят против этой «бредовой» идеи! Но еще больше — «за»!

Нужен свой театр! Театр романтики! Фантазии!!! Арбузовцы смогли начать! Чем мы не такие, как они! Мы меньше их знаем, так научимся! Нет! Театр — делать!

Из фронтового дневника:

18.II.45 г.

...Жизнь очень хорошая штука, нужно только не быть идиотом!

Распахнуть окно в будущее, так, чтобы стекла посыпались.

Я знаю такого Семена Туманова.

Счастье и удача выпали на долю, если можешь встретиться в жизни с таким человеком! Коснется тебя нечто, поразит, перебудоражит, — и ты другой, и готов начать новую жизнь...

Я подхожу к концу, а чувствую, что его не может быть!

Нельзя завершить этот рассказ — это значит расстаться. Можно только остановиться.

Из фронтового дневника:

9 мая 1945 года

Война окончена!

Ночью звонок телефона. Звонил командир полка, спросил, что передавали. А мы не знаем, все спали.

Включил радио — передают марш! Я разбудил Марченко, говорю — вроде, конец войны...

Включил станцию, которая диктует — передает текст акта о капитуляции!!! Значит, все!!! Пять часов утра!..

Все проснулись! Открылась жуткая стрельба! Били из автоматов, пистолетов, пушек и пулеметов, в общем, кто из чего мог!..

Вверх взмывали ракеты!..

Грустно: кончилась война!..

До меня еще не дошло...

Вот это да!!

ЖИЗНЬ!!!